

Случилось так, что до выхода этой публикации дочь В.И.Лебедева-Кумача не дождала совсем немного. Ее не стало в минувшем апреле. Однако этот материал она готовила давно, считая себя обязанной рассказать правду о том, как создавалась главная песня Великой Отечественной "Священная война". Не будет преувеличением сказать, что Марина Васильевна испытывала почти физические страдания, когда в последние годы на телевизионном экране кадры хроники сталинских лагерей и лесоповалов озвучивались песней "Широка страна моя родная". Так сказать, для контраста. "Мой отец, — говорила она, — писал эти жизнерадостные стихи, сидя на коммунальной кухне под веревками с развешенным мокрым бельем, и при этом искренне верил, что если не сейчас, то очень скоро любой человек сможет пройти "как хозяин необъятной Родины своей". В России всегда страдали за веру. И трагедия народа стала трагедией для народного поэта. Как же больно и несправедливо, что сейчас под песни моего отца митингуют красно-коричневые экстремисты..."

Будучи дочерью по крови и литератором по призванию, Марина Васильевна сберегла архив своего отца, сохранила огромную уникальную библиотеку, написала теплые и нежные воспоминания. Машинописные листы этих воспоминаний сейчас лежат на большом письменном столе, за которым работал поэт Лебедев-Кумач, а после его смерти — дочь поэта.

И песня с бурей вечно сестры

Культура. — 1997. — 19 июня. — С. 7.

Как была написана "Священная война"

Марина ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧ

"Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза, И песня с бурей вечно сестры" (В.Брюсов)

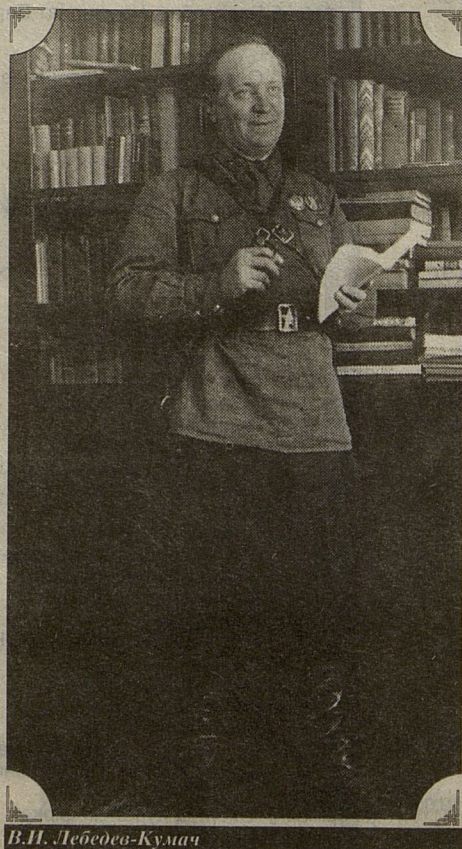
Днем 22 июня 1941 года Лебедеву-Кумачу позвонили из редакции газеты "Красная звезда", просили написать стихи о начавшемся вторжении в нашу страну фашистских войск. Сотрудник редакции на вопрос Василия Ивановича о сроке сказал, что стихотворение должно быть на газетной полосе во вторник, в первом военном номере газеты. "Стихи будут", — ответил Василий Иванович.

Только накануне, вечером 21 июня, он возвратился домой из Риги с первой конференции латвийских писателей. Хозяева — собраты по перу радушно встречали и гостеприимно принимали посланцев разных краев нашей страны.

Вечером за чайным столом отец показывал домашним книги латвийского классика А.Упита, необыкновенной красоты репродукции знаменитого художника В.Пурвита и другие подарки из Прибалтики. Но лицо его было каким-то беспокойным. Он говорил о той тревоге, которая буквально витала в латвийском небе. Рассказал о том, как спешно была сокращена и свернута их программа пребывания в Латвии, как торопились и нервничали хозяева — устроители конференции, провожая их на вокзал. Будучи по натуре человеком импульсивным и чутко улавливая настроения окружающих, Василий Иванович рассказал, что совсем уже перед отъездом в их рижской гостинице появились какие-то личности "со стертными лицами", неприязненно провожавшие их взглядами. "И потом вся эта странная спешка, с которой нас буквально сунули в вагон", — заметил он под конец своего рассказа. — "В конце концов, может быть, все выяснится. А может быть, и нет..." — задумчиво заключил он. Выяснилось. На другой день. Фашисты напали на нашу страну.

Он написал стихотворение "Священная война" за несколько часов напряженнейшей работы, куря папиросу за папиросой, написал "на одном дыхании". Внутренне он был готов, был настроен всем своим существом к написанию именно тех пылающих строк, что выливались на бумагу.

Хотелось бы поделиться некоторыми подробностями о том, что предшествовало появлению стихов "Священная война". Почему так быстро появилось это стихотворение и одновременно в двух центральных газетах? Некоторых людей и по сей день удивляет та быстрота, с которой были созданы эти стихи. А ради расправы с нашим тоталитарным прошлым появлялись даже время от времени лживые "труды" нечестно-

В.И. Лебедев-Кумач

плотных журналистов на тему песни "Священная война". Помнится, даже поэт-фронтник Е.Долматовский где-то писал, как несколько поэтов незадолго до войны пришли на Всесоюзное радио к какому-то начальству, которое их ориентировало на написание боевых строчек о будущей войне. Что воевать придется, сомнений тогда уже не было. Вопрос был: когда? И, по словам Долматовского, в тот день на радио они все это только выслушали. Только один Лебедев-Кумач якобы стал думать и работать. Не буду упрекать младшего современника Лебедева-Кумача. Тем более что он был добр и благожелателен к Василию Ивановичу при его жизни, внимателен к его памяти после смерти. Но приходится все же твердо сказать, что никаких черновых набросков или тем более заготовленных заголов "боевых" строчек у Лебедева-Кумача не существовало. Было, правда, стихотворение "Пусть мир поймет", написанное еще в июле 1939-го, менее чем за месяц до пакта о ненападении, подписанном с фашистской Германией. Вот некоторые строки этих стихов:

Впитай, мой стих, все реки слез горячих,
Все стоны безутешных матерей,

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Тут необходимо вспомнить и о том, как Василий Иванович внутренне пытал и негодовал, когда самое слово "фашизм", как по мановению волшебной палочки, в момент исчезло со страниц газет, журналов, книг, радиопередач и кинофильмов. Слово бы фашизм сам собой исчез с карты мира. Конечно, как и многие тогда, он понимал, что этот дипломатический пакт Молотова — Риббентропа является отяжкой военной угрозы. Но как старый и опытный газетчик никак не мог принять сердцем и совестью такое положение вещей. Ведь буквально за несколько дней до пакта он писал:

Проклятье тем, кто мрак средневековья
В двадцатый век на свастике принес!

Но приходилось смиряться с дипломатическими обстоятельствами, как ни тяжело это ему давалось. По сей день слышатся мне его негромкий голос и такие горестные слова, произнесенные поздним вечером под грохот зениток в затемненной Москве 17 октября 41-го, когда немецкие войска были уже в Подмоскovie: "Что же это такое делается? Я писал и свято верил, что "наша поступь тверда, и врагу никогда не гулять по республикам нашим". А ОН гуляет, как хочет, и стоит под самым моим городом. Значит, я все врал!" И такие боль и печаль отразились на родном лице, что я это вижу и слышу так, как вчера...

А при воспоминаниях об истории написания "Священной войны" возникают в памяти детали того далекого прошлого. Может быть, они будут интересны потому, что вряд ли кто знает их. Уже после звонка Лебедеву-Кумачу из "Красной звезды" раздался звонок из его любимых "Известий" с той же просьбой о военном стихотворении. Но он не мог в этот день работать над чем-то новым. Утром Василий Иванович был на митинге московских писателей на улице Воровского (Поварской), где он вместе с А.Фадеевым и П.Павленко готовил резолюцию митинга. Он же ее и зачитывал. В ней впервые прозвучали слова о священной войне, еще до появления его стихов в печати: "Каждый советский писатель готов все свои силы, весь свой опыт и талант, всю свою кровь, если это понадобится, отдать делу священной народной войны против фашизма". И после возвращения домой он снова и снова дорабатывал свою первую военную песню, заменяя одно четверостишие другим. От двух он отказался окончательно, и они остались лишь в его черновике. "Не могу сейчас делать что-то новое. Устал", — коротко сказал он "известинцам". "Так дайте нам то, что вы написали для

Красной звезды". Он ответил, что должен согласовать этот вопрос с газетой, потому что это стихи, написанные по их просьбе для них. В редакции "Красной звезды" не очень-то были довольны, но главный редактор дал все же "добро". Об этом можно прочитать в его воспоминаниях. Вот что он писал: "В иное время я, наверное, распорядился бы в назидание "неустойчивому" автору снять его стихи. Не любил мы печатать "дубликаты". Нам больше нравилось, когда другие газеты перепечатывали наши материалы со ссылкой на источник. Но в ту ночь было не до амбиций. Да и стихи — замечательные! Могли ли я и мои товарищи думать тогда, что стихотворение, напеча-

танное в первом военном номере, станет главной песней Великой Отечественной войны? Что миллионы советских людей пойдут с ней в бой! Что прозвучит она призывным набатом и торжественной клятвой по всем городам и весям страны! Что ее будут слушать стоя, как слушают гимн! В сердце ударила строка, вынесенная поэтом в заголовок стихотворения "Священная война". Да, именно священная! Эти слова жили в мыслях и чувствах нашего сражающегося народа. Но Лебедев-Кумач первым произнес их вслух. Они пронзили и нас, газетчиков. На следующий день мы повторили их в передовой статье "Красной звезды": "Советский народ поднял знамя священной Отечественной войны за Родину, за ее честь и свободу". "Священная война" могла появиться в печати на день раньше. Но журналистская этика не допускала этого. Василий Иванович поставил условием, чтобы стихи были напечатаны в "Известиях" не раньше, чем у "краснозвездовцев". А "Красная звезда" выходила тогда по вторникам и четвергам. И вторник приходился на 24-е. Так стихотворение "Священная война" появилось в один и тот же день в двух газетах одновременно. Из редакции "Известий" за стихами прислали курьера, а в "Красную звезду" он отъез стихами 23-го сам, чувствуя за собой в какой-то мере вину, что не устоял перед своими любимцами "Известиями".

С самого начала он задумал стихи как будущую песню, о чем говорило проставленное слово "припев" после каждого четверостишия:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Потом песня, уже после публикации, претерпела большое сокращение: она издавалась листовкой малого формата с текстом и клавирами на обороте, и нужно было уместить и текст, и ноты. Пришлось автору слов пожертвовать двумя четверостишиями. Особенно жаль было вот этого:

Пойдем помить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой.

Но в авторских сборниках песня печаталась целиком (за исключением сб. "Песни" изд. "Моск. рабочий", 1947, где опять был дефицит места).

Василий Иванович еще не знал, что будет композитором будущей песни. Первые дни войны были настолько напряженными, драматичными, что он так и не успел позвонить никому из своих соавторов-композиторов. Но, как он заметил когда-то в автобиографии, давно "подружился

В.И. Лебедев-Кумач с дочерью Марией, 1946 г.

со всем Союзом композиторов". Можно вспомнить, что почти пятьдесят композиторов-профессионалов писали музыку к его стихам разных лет, и сам он легко подтекстовывал готовые мелодии, не думая при этом об амбициях, но всегда о судьбе будущей песни, о том, чтобы ее захотели петь люди.

Действительно, прочтя в газетах его стихи, несколько композиторов написали музыку к "Священной войне". А композитор М.Блантер, давний его песенный партнер, в начале июля даже выпустил в издательстве "Музгиз" эту песню со стихами Василия Ивановича под названием "Священная народная война". В те последние дни июля 41-го Александровский ансамбль еще только начал репетировать эту песню с музыкой своего руководителя А.В.Александрова. Впервые всем составом ансамбля официально песня была исполнена в боевом киносборнике "Победа будет за нами!". Отчетом краснознаменцы исполняли ее и ранее. А со второй половины октября 1941 года "Священная война" стала звучать каждое утро в шесть часов по радиостанции им.Коминтерна (Всесоюзное радио) перед началом передач. И в самые тяжелые дни войны наша страна просыпалась под эту песню. Так было до тех пор, пока военные будни не стали приносить первые фронтовые победы. Красная Армия с жестокими боями отвоевывала разоренные фашистами города и населенные пункты и вышла после кровопролитных боев к нашей государственной границе. Песни гнева постепенно были оттеснены другими, уже предпобедными мелодиями (за порядком в песенной теме, как, впрочем, и других областях литературного творчества, жестко и зорко следил Главлит, который в свое время запретил к исполнению "упаднические" песни "Землянку" и "Там, вдали за рекой" и "Священная война" не то чтобы забылась, а перестала исполняться, так же, как и другая песня Лебедева-Кумача, тоже песня гнева, народное "О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?" в подлинно трагическом исполнении Л.Утесова. Но Василий Иванович, прекрасно разбиравшийся в песенных жанрах, считал, что это справедливо, потому что каждой песне соответствуют свое время и обстоятельства.

Может быть, интересно будет вспомнить в связи со сказанным, как неожиданно Лебедеву-Кумачу довелось быть невольным "заказчиком" и свидетелем последнего в военные дни исполнения песни "Священная война". Вот как было дело. Кончался январь 1945-го. Помню звонок телефон. Спрашивают, будет ли Василий Иванович в ближайшие две-три недели в Москве. Простят отложить все другие дела. Его как депутата Верховного Совета РСФСР просят принять участие в приемах английской пар-

ламентской делегации, которая едет по приглашению Президиума Верховного Совета СССР в Москву. Домашние достали и выгладили черный костюм и белую пикированную рубашку. Дипломатический этикет требовал этого. Но вспоминается, что отец два раза всего выдержал этот "парад". А потом снова надел ставший таким привычным за годы войны свой флотский китель, который снял лишь осенью 45-го после демобилизации.

На одном из приемов его познакомили с английским Временным Поверенным в делах г-ном Бальфуром (посол Великобритании в СССР г-н Керр куда-то отлучился в те дни). Тот довольно сносно говорил по-русски, он сказал, что знает песни Василия Ивановича "Москву майскую" и "Священную войну". Отец решил, что эти слова — простая любезность дипломата. Но каково же было его изумление, когда г-н Бальфур вдруг неожиданно зашел "Москву майскую" на русском языке. Песня довольно длинная, но дипломат спел ее всю целиком. Только он пел первую строчку "утро зарит нежным светом", а не "красит", но сказал, что ему так больше нравится потому, что "зарит" — это от слова "заря". Потом английские парламентарии выразили желание послушать Ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством А.В.Александрова. Отец взял меня с собой на этот концерт, который состоялся 19 января 1945 года в Доме Красной Армии. "Пойдем, не пожалейте! Посмотришь раз в жизни на настоящих лордов!". В числе прочих в парламентской делегации и в самом деле были два молодых лорда. Когда кончился антракт перед последним отделением концерта, г-н Бальфур захотел, чтобы исполнили "Священную войну" и русскую народную песню "Степь да степь кругом". Он непременно подхватил под руку Василия Ивановича и двинулся к первому ряду партера, где сидел зам. председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М.Шверник. Нужно заметить, что г-н Бальфур, как он объяснил Василию Ивановичу, был по национальности шотландцем, а не чопорным англичанином, он легко шутил и держался очень демократично, чтоб не сказать больше. "От имени Верховного Совета мы с Лебедевым-Кумачом просим вас", — начал он с серьезным очень официальным видом, подходя к Швернику. Побелевший, как мел, тот вскопился с кресла: "Что... что... от имени Верховного Совета?" — еле-еле выговорил он. Но когда дипломат закончил, уже с улыбкой, свою фразу об исполнении двух его любимых, как он сказал, русских песен, Шверник глубоко и облегченно вздохнул и разрешил исполнить просьбу г-на Бальфура.

Несмотря на то, что прозвенел последний звонок, Василий Иванович поспешил за кулисы, чтобы переговорить с Александром Васильевичем о возможности исполнения неожиданной просьбы английского гостя. Он все же сомневался, возможно ли это, может быть, нет, ведь песни эти не были объявлены в программе концерта. Антракт затягивался. Зрители не понимали, в чем дело, отчего задерживается последнее отделение. Наконец отец спустился в зал и сел на место. И вот ансамбль на сцене. Начинается заключительное отделение. Хор грянул во всю свою силу "Священную войну". Небольшой сравнительно зал содрогался от непреклонно-сурового напева. Эхом негромкого переизвола мелодично отзвучивались подвески свистильников в зале. Когда хор смолк, зал долго аплодировал. Потом исполнили и "Степь да степь кругом".

Так Василий Иванович Лебедев-Кумач слушал свою песню, песню народного гнева "Священную войну" последний раз в дни Великой Отечественной и, думается, последний раз в своей жизни. Так случилось, что не суждено ему было дожить до празднования круглых дат Великой Отечественной войны, когда непременно исполнялась "Священная война".

"Священная война" — это песня защитников родной земли, людей, погибших в четырехлетней жестокой битве, а также и раненных, искалеченных в борьбе с "фашистской нечистью". Это также песня и защитников земли родной, которым посчастливилось уцелеть и возвратиться в родные места.

А к тем разнообразным политическим или почти уголовным "шабашам" на площадях и улицах российских городов наших сложных дней песня не имеет никакого отношения.